

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЮЖЕТ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

УДК 821.161.1 + 82-13

Т. А. Драгайкина

Новосибирск, Россия

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В ВОСПРИЯТИИ ПОЭТА-СЕНТИМЕНТАЛИСТА: «ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА» Н. М. КУГУШЕВА

Статья посвящена малоизученной поэме «Грановитая палата» (1808) Н. М. Кугушева, литератора-сентименталиста, который еще до публикации «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина предпринял попытку популяризировать отечественную историю, изложив ее в поэтической форме. Данное произведение представляет собой яркий пример художественного осмысления прошлого в рамках культурной парадигмы определенного времени. Рассматриваются повествовательные стратегии автора, стремящегося воссоздать подлинные события, опираясь на летописные источники, и в то же время интерпретирующего их в соответствии с мировосприятием «чувствительного человека» начала XIX в.

Ключевые слова: литература начала XIX в., русский сентиментализм, историческая поэма.

При изучении литературного процесса представляется чрезвычайно важным обращение к творчеству малоизвестных писателей, авторов второго ряда, в творчестве которых могут особенно выпукло проявляться тенденции в развитии литературы, а нередко содержатся оригинальные идеи. Именно в особенностях интерпретации известных сюжетов, в частности, в изображении исторических событий, к осмыслению которых разные поколения подходят с различных позиций, ярко проявляется своеобразие конкретных направлений в искусстве и менталитета конкретной эпохи.

К малоизвестным, но заслуживающим внимания литераторам-сентименталистам относится Николай Михайлович Кугушев (1777–1825), наиболее крупным произведением которого является поэма «Грановитая палата» (1805–1808). Научные работы, посвященные его наследию, немногочисленны. Довольно сжатая характеристика «Грановитой палаты» имеется в работе А. Н. Соколова «Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в.» [1]. В «Словаре русских писателей XVIII века» в статье Н. Д. Кочетковой подчеркивается, что, не-

Драгайкина Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (ул. Восход, 15, Новосибирск, 630200; leonor@inbox.ru; +7 913 913 86 60)

Сюжетология и сюжетология. 2013. № 2. С. 97–105

© Т. А. Драгайкина, 2013

смотря на скромность своего дарования и явную ориентацию на Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, Н. М. Кугушев далек от эпигонства, и его наследие представляет собой интересную страницу истории русского сентиментализма [2]. В последнее время ряд статей о творчестве Н. М. Кугушева опубликован А. И. Разживиным, который называет «Грановитую палату» уникальным в своем роде переложением Летописи Нестора [3, с. 310].

Действительно, смелая идея изложить в поэтической форме всю историю России является необычной, и хотя грандиозный замысел не был доведен автором до конца (он планировал дойти до деяний «Богини Севера» – Екатерины II, но напечатал только 3 книги, охватив события лишь до XII в.), она впечатляет своей масштабностью. По утверждениям теоретиков эпической поэмы, в ней должно соблюдаться единство действия, она посвящается конкретному законченному эпизоду, как правило, переломному для истории нации и имеющему прогрессивное значение. Для отечественных поэтов это могло быть крещение Руси, взятие Казани, деяния Петра I. Н. М. Кугушев берется за стихотворное изложение всей истории России, которая представляется ему в полном объеме значимой, поучительной и достойной пристального внимания читателя. Многолетние феодальные усобицы, которые даже Н. М. Карамзин в предисловии к своему труду охарактеризовал как не представляющие особой пищи для души и разума, Н. М. Кугушев облакает в стихотворную форму с не меньшей увлеченностью, чем подвиги Святослава или принятие Владимиром христианства, и находит в этом сложном материале повод для философских размышлений. Единство действия в поэме обеспечивается цельностью взгляда на русскую историю.

Произведение вызвало немногочисленные благосклонные отклики патристически настроенных читателей, некоторые из них особо отметили в ней верноподданнические тенденции. Так, в напечатанном в журнале «Друг юношества» (с которым Н. М. Кугушев сотрудничал) поэтическом хвалебном отзыве, подписанном «Н..в из Тамбова», особо акцентировалось воспевание «владык любезнейших, России Богом данных» [4, с. 76]. Подчеркивалось в нем и воспитательное значение произведения Н. М. Кугушева: «...мы, предав сынам твои вещанья, / Их сделаем чрез то отечества детьми, / Монарху верными и добрыми людьми» [4, с. 78]. Вероятно, популярности поэмы не способствовал откровенный консерватизм автора. Обобщенный образ русских правителей и их приближенных, выведенный в начале поэмы, идеализирован (хотя многие эпизоды повествования противоречат утверждению об абсолютной праведности всех князей и царей и честности царедворцев), история страны дается через галерею портретов властителей, верная любовь к царям провозглашается отличительной чертой русского народа [5, кн. 1, с. 46]. Весьма негативно он отзывался о новгородской вольнице, даже оценивая политику Ярослава Мудрого, он отмечает как единственный недочет его правления ее оставление, отмечает гордыню как наследственную страсть Новгорода [5, кн. 3, с. 42], рассуждает о том, что перемены ведут государство к упадку, в то время как сохранение традиций обеспечивает ее многовековое процветание. Тем не менее в соответствии с официальной идеологией поэт чрезвычайно высоко ставит царя-реформатора Петра I, связывая именно с его правлением начало наиболее блистательного периода российской истории. Правда Русская говорит: «Век Петра – Отца Отечества – / Показал дорогу к счастью. / Я привыкла со времен Его / Неразлучно быть с Монархами, / Трон Российский украшавшими» [5, кн. 3, с. 89–90]. Н. М. Кугушев посвящает свое произведение непосредственно императору и заканчивает его воспеванием Александра I, продолжателя прогрессивной линии развития русского государства, ведущего всех к благополучию.

В то же время основной задачей автора, на наш взгляд, является не прославление монарха, а популяризация русской истории, ее изложение в соответствующей вкусам «чувствительного читателя» начала XIX в. форме. (В качестве курьеза можно упомянуть современное стихотворное переложение «Истории государства Российского»: Д. И. Моисеев «Благословим труды Карамзина. История Руси, воспетая сонетом». М.: Прогресс, 2004. Автор высказывает предположение, что поэтическая форма сделает труд Карамзина более привлекательным для современного читателя.) Приверженность монарху предстает лишь составной частью любви к Родине. Н. М. Кугушев стремится воспроизводить исторические события и личности более реалистично, чем в классицистических трагедиях на сюжеты из русской истории или предромантических произведениях некоторых литераторов-современников. Он стремится максимально придерживаться отраженных в летописи исторических фактов. Для него важно изображение именно национального характера.

До публикации «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина отечественная история не была достоянием широкой читающей публики. К трудам В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова и других историков, к изданиям летописей обращались преимущественно специалисты. Отечественная история, культура, фольклор находились нередко на периферии сознания образованных людей. Так, С. Н. Глинка, издатель журнала «Русский вестник», пишет в автобиографических «Записках» о своем обучении в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе: «Исполинский призрак древнего Рима заслонял от нас родную страну – и в России мы как будто видели и знали одну Екатерину» [6, с. 63], «Мы знакомились с Америкой и американцами, а Россия все еще скрывалась от нас в каком-то отдаленном тумане» [6, с. 66]. Древнерусская история изучалась в сухом и кратком французском изложении, не упоминалось даже имени летописца Нестора. Условные образы славян в творениях драматургов-классицистов вряд ли могли приблизить публику к подлинной русской старине и пробудить к ней интерес. Именно недостаточное внимание общественности к прошлому и настоящему собственной страны при заимствовании худших образцов европейской культуры послужило основной причиной, побудившей С. Н. Глинку издавать патристический журнал. Он рассказывает о своем нехарактерном для любителей изящной словесности его времени увлечении русскими летописями, открывшими для него, по сути, новый мир.

Сюжеты из древнерусской истории встречаются в поэзии и прозе конца XVIII – начала XIX в. Тем не менее нельзя сказать, что отечественная старина занимает в литературе данного периода центральное место, зачастую она изображается очень условно и воспринимается через призму европейской культуры. Например, П. Львов, опубликовавший в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» «Картины славянской древности, или Празднества Славянороссов...», якобы переложенные с «древнего славянского песнопения», раскрывает «секреты» своей работы над данной темой. Он воссоздавал картины старины, опираясь на Татищева, Болтина, «Ядро российской истории», «Описание древнего славянского баснословия», однако при обдумывании композиции своего произведения ориентировался на песнь Горация в честь Аполлона и Дианы. По его мнению, без опоры на античный источник торжественное песнопение не получилось бы «достойным славян» [7, с. 6–7]. Текст снабжен комментариями, подтверждающими экзотичность древнерусской темы для предполагаемых читателей: так, судя по примечанию к слову «богатырь», оно является менее привычным, чем «кавалер» или «рыцарь», и нуждается в объяснении: «титло храброго мужа» [7, с. 17].

Вероятно, именно слабое знакомство читающей публики с древнерусской историей побудило Н. М. Кугушева изложить ее в своей поэме подробно, воссоздав как можно больше ярких сцен, заимствованных из летописей.

В поэме можно усмотреть как ориентацию на опыт Н. М. Карамзина – автора «Ильи-богатыря», так и полемику с ним. Н. М. Кугушев использует тот же «народный склад» – безрифменный четырехстопный хорей с пиррихиями, язык, характерный для легкой поэзии, однако обращается не к «Лжи, Неправде, призраку истины», призывающей забыть в «чародействе красных вымыслов», но, напротив, к «Правде Русской», которая и служит для него проводницей по Грановитой палате. В отличие от многих поэтов-сентименталистов, которых привлекала именно народная фантазия, Н. М. Кугушев обращается к подлинной истории. Его мало интересует славянская мифология, «баснословие», хотя реконструкции славянского пантеона в XVIII в. уделялось довольно много внимания; он включает в свою поэму некоторые летописные сведения явно легендарного характера, однако в наибольшей степени его волнует «быль». Периодически автор делает ссылки на Нестора, труды историков XVIII в., желая подтвердить, что опирался при изложении деталей на достоверные источники.

Для рассказа об истории Руси автор использует форму своеобразной экскурсии. Правда Русская вводит повествователя в прекрасный терем, где обитали цари, демонстрирует ему изображения их деяний на вытканых золотом и серебром коврах и объясняет их. Многочисленные «картины» изображают последовательно наиболее значимые эпизоды истории. Такой подход может быть охарактеризован как буквализация требования к эпическому поэту показывать читателю события, давать ему их зримое изображение, в отличие от историка, который о них только рассказывает.

Грановитая палата в поэме Н. М. Кугушева – не реально существующее в Москве здание, а обобщенный образ, и описываемые им картины далеки от образцов древнерусской живописи; по своей композиции, эмблематике они, безусловно, отражают вкусы XVIII – начала XIX в. Они заставляют вспомнить призыв Н. М. Карамзина к художникам обращаться к темам из русской истории, предлагавшего им конкретные сюжеты, подходящие для воплощения в живописной форме (хотя интерпретация конкретных событий Кугушевым отличается от карамзинской). Такой прием позволяет развернуть лаконичные строки летописи в зримые картины, превращая даже вскользь упомянутых лиц в конкретных живых людей с определенным характером, делаая их запоминающимися. Например, описание злорадствующего предводителя волхвов, видящего, как сбывается его предсказание о причине смерти князя Олега: «Бледное лицо, иссохшее, / Брови черныя, нависшия, / Взор угрюмый, пронизательный, / Борода седая, грубая, / Устрашат конечно всякого. / Он стоит всех ближе к черепу, / Наклонив к нему волшебный жезл, / Смотрит с гордостью на зрителей» [5, кн. 1, с. 13–14]. Выразительность для Н. М. Кугушева предпочтительнее парадной сдержанности; так, описывая кончину князя Олега, он пренебрегает замечанием Н. М. Карамзина о том, что выражение физического страдания неприятно «на лице геройском» [8, с. 295] и что художнику подобает изобразить князя в тот момент, пока змея еще только собирается его ужалить, а он с видом презрения отталкивает череп», и показывает уже укушенного змеей князя: «Погляди, с какою живостью / Гнев, досада, нестерпима боль / На лице его представлены!» [5, кн. 1, с. 13]. Автор не упускает случая изобразить и прелестных женщин, например жен князя Владимира.

Поэту сентиментальной эпохи важно помочь читателям проникнуться чувствами изображаемых исторических личностей, попытаться понять, что они испытывали, приблизить людей давно прошедших эпох к своим современникам. Он

описывает их предполагаемое психологическое состояние в решительные моменты (или в ожидании этих моментов). Юная греческая царевна Анна опасается, что князь Владимир, за которого ее собираются выдать замуж, примет христианство лицемерно, лишь в политических целях, возвратится к язычеству и заставит ее молиться идолам, однако, получая поддержку братьев, набирается мужества и готовности пострадать за веру [5, кн. 1, с. 65]. Князь Глеб в предчувствии собственной гибели созерцает луну, его душевный настрой контрастирует со спокойствием весенней ночи [5, кн. 1, с. 84]. Анна Ярославна, беседуя с отцом о своем грядущем браке с французским королем, улыбается, предвкушая удовольствия, ждущие ее при дворе Генриха I [5, кн. 2, с. 7] (в этой сцене, возможно, отразились новейшие представления о Франции – законодательнице мод; любопытно, что Н. М. Карамзин, предлагающий художникам сюжет отъезда Анны Ярославны во Францию, трактует его иначе – как горестную разлуку родителей с дочерью, уезжающей на чужбину [8, с. 303–304]). Конечно, во многих случаях поэт-сентименталист, изображая людей давно ушедшей эпохи, приписывает им настроения, характерные скорее для его современников. Однако было бы не слишком правомерно требовать от него решения столь сложной задачи, как воспроизведение менталитета людей далекого прошлого, а в плане воздействия на читателей его подход может быть признан эффективным: он позволяет сделать исторических персонажей понятными, вызывающими сочувствие. Осовременивание заметно и во вкладываемых в уста персонажей репликах. Так, в монологе ослепленного Василька Тербовльского, чья трагическая история изложена в поэме со всеми подробностями, присутствующими в «Повести временных лет», присутствуют и мотивы сладостного утешения слезами, и в то же время некоторая физиологичность: «Плач, несчастных облегчение, / Отнят по его жестокости; / Заросли уже каналы те, / Чрез которые иной порой / Протекают слезы сладкия» [5, кн. 2, с. 119–120].

Н. М. Кугушев, не искажая зафиксированных летописцем событий, но додумывая их подробности, обнаруживает за лаконичными строчками летописи трогательные сцены, которые он представляет читателям. Таково, например, описание грустной перемены в жизни любимого коня князя Олега, «попавшего в опалу» и оставленного хозяином из-за зловещего предсказания, или печали супруги Ярослава Святополчича, оставленной мужем и отправленной к отцу. Сообщение о том, как Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер, разворачивается в картину, изображающую упавшего с коня князя и свиту, тщетно пытающуюся возвратить его к жизни.

Характерно, что столь занимательный и впечатляющий эпизод, как месть княгини Ольги древлянам, удостаивается относительно краткого изложения, автор «показывает» только тризну в честь Игоря и горящий Искоростень, избегая остальных подробностей. Вероятно, это объясняется не только «баснословностью» истории многоэтапной мести Ольги. Более подходящий, с точки зрения автора, легендарный эпизод поединка юного сына ремесленника Переяслава с гигантом-печенегом пересказывается детально. Видимо, вкусам сентиментальных читателей сказание, иллюстрирующее суровые нравы язычества, не соответствовала и, по мнению автора, не могла послужить поучительным примером, поэтому она воспроизводится в общих чертах. Ольга изображается как разгневанная любящая женщина, которую смерть мужа заставила забыть свойственную женщинам жалость. О, возможно, присутствовавших политических мотивах и последствиях ее поступков, которыми она подавила попытки неподчинения Киеву, не упоминается. Легенда о том, как Ольга перехитрила византийского императора, желавшего сделать ее своей супругой, потребовав стать ее крестным отцом, истолкована как доказательство отсутствия в Ольге приверженности к земной славе: «Презря все

мирские почести, / Для одной жила лишь вечности» [5, кн. 1, с. 18]. Здесь сказываются представления времени о достойном отражении в искусстве.

Акцент часто делается на чувствах персонажей – исторических деятелей, которые, однако, не противопоставляются долгу. Воспеваются правители, проявляющие себя как любящие родственники и в то же время не забывающие о своих обязанностях перед народом. Вот, например, описание Рюрика: «Он представлен здесь в унынии, / Когда братьев смерть оплакивал, / Потеряв Синава с Трувором. / Но сквозь тучу мрачной горести / Ты заметь улыбку кроткую / На малиновых устах его. / Сей Властитель Новагорода / Пред толпой народа верного / Не хотел казаться пасмурным; / Но приняв поклоны подданных, / Награждает их улыбками. / Так у нас ведется исстари» [5, кн. 1, с. 9]. Фраза «Так у нас ведется исстари» сопровождает поэму и подчеркивает доблести русских. «Побеждать – привычка русская!» [5, кн. 1, с. 47]. Подчеркивается храбрость русских воинов, их преданность полководцам. Нежные жены и невесты ратников провожают их на войну, вдохновляя на подвиги.

Многие выведенные в поэме характеры наделены определенной психологической сложностью. Сам исторический материал способствовал созданию неоднозначных образов: следуя за источниками, свидетельствующими как о достойных, так и о предосудительных поступках одних и тех же людей, можно было прийти к выводу о противоречивости их натуры. Так, Святополк II предстает наделенным многими достоинствами, но поддающимся дурному влиянию и не всегда рассудительным правителем, которого преследуют несчастья. Вслед за летописцем, сочувствуя оклеветанному и ослепленному Васильку Тербовльскому, автор не оправдывает его мести, которая затронула и невинных.

Наряду с историческими картинами в поэме присутствуют и некоторые аллегорические, толкование которым также дает Правда Русская, предварительно изложив соотносящиеся с аллегорией исторические события. Такое разнесение трактовки «иероглифического» изображения и его первого «показа» читателям позволяет им самостоятельно подумать о значении иносказательного изображения. Повествователь украдкой открывает занавеску, за которой скрывается ковер с вытканной «позлащенной храминой», купол которой поддерживает сто янтарных колонн, между которыми видны мраморные мавзолеи, а посередине стоит алмазный стол с лежащим на нем жемчужным крестом, над которым парит звезда. Заметив, что ее сопровождаемый увидел эту картину, Правда Русская напоминает ему о тленности богатства и бессмертии доблести, мудрости и геройской славы и призывает набраться терпения и ознакомиться с открытыми коврами, прежде чем рассматривать завешенный. Уже после рассказа о деяниях князя Владимира она раскрывает значение восхитившей повествователя картины: мраморные гробницы принадлежат сыновьям, матери и брату Владимира, крест обозначает утвержденный им христианский закон. «Купол храмины эмалевой / Знаменует сердце чистое, / От пороков удаленное. / Солнце, утром восходящее, / Представляет освещенье душ / Благодатью, Верой истинной: / А столпы янтарны со резьбой / Значат ревностных поборников, / Исполняющих учение / Православной Церкви Греческой. / Звезды, там вверху представлены, / Означают славу, счастье / Князя мудрого, великого, / Истребившего неверие» [5, кн. 1, с. 88].

Поэме Н. М. Кугушева свойственна типичная для сентиментализма идилличность. Всё действие произведения, все явления Правды Русской повествователю происходят в мае, что задает атмосферу цветущей весны, переполненной жизненными силами, с которой ассоциируется Россия, в особенности в современный период. Для поэтики «Грановитой палаты» характерно тяготение к утопичности, к изображению Руси как земного рая. Некогда, согласно утверждениям автора, на берегах Москвы-реки располагалась чудесная долина: «Рощи были там мин-

дальные; / Кипарисы, кедры, персики / Составляли тень прохладную; / Там кустарники цветущие, / Вместе с розами душистыми, / С гиацинтами и ландышем, / Всю долину ту волшебную / Наполняли ароматами» [5, кн. 1, с. 4]. Цветы, произрастающие в этой долине, позволяли себя сорвать только духовно чистым людям. Отнесение этого описания в прошлое, упоминание о том, что эти рощи срублены, а населявшие их пташки разлетелись, первоначально может вызвать ассоциации с потерянным раем, однако немедленно выясняется, что на месте рощ на Москверке возникли величественные здания, а «прекрасным лугом» стала вся Россия. Прежняя столица России оказывается построенной в благословенных местах; преобразованные человеком, они не стали менее прекрасными. Описание ковров и мозаик Грановитой палаты создает ощущение праздничности, изобилия. Впрочем, иногда в идиллическое повествование проникают и тревожные нотки: повествователь наблюдает за тем, как ястреб спугивает воркующих горлиц, что наводит его на мысли о человеческой злобе, нарушающей естественную гармонию. Автор не затушевывает мрачных, отнюдь не вызывающих гордость за своих предков эпизодов отечественной истории – братоубийственных междоусобиц. В великолепных залах Грановитой палаты присутствуют и траурные, обитые черным бархатом комнаты, напоминающие о прискорбных событиях, бедствиях и расправах, о поспособствовавшем им упадке нравов. Отмечается, что «земной рай» Руси привлекателен и для захватчиков.

Автор глубоко оптимистичен и уверен в блестящем будущем России. «Древность видел как дремучий лес; / Но столетие прошедшее / Счел я садом зеленеющим; / Ныне зрю один прямой проспект / В храм незыблемого счастья» [5, кн. 3, с. 131]. Современник Н. М. Кугушева А. В. Суворов, «Феникс во военачальниках» [5, кн. 3, с. 44], в походах которого он принимал участие, предстает более доблестным и значительно более способным управлять своими страстями, чем большинство древнерусских князей.

В поэме нередко трактовки древнерусского через входящие в культурный контекст предполагаемого читателя образы: так, Ярополка автора называет «Марсом русским» [5, кн. 3, с. 68], Василька Теревольского – «Велизарием Российским» [5, кн. 2, с. 112]. Святослава он изображает как рыцаря, в его облике присутствует не только героизм и приверженность чести, но и способность нежно любить. Из упоминания Малуши, матери Владимира, вырастает поэтический образ прекрасной женщины, полюбившей неравного себе. В батальных сценах также присутствуют античные мотивы: «Пигмеи печенежские / Геркулесами российскими / Были прогнаны, рассеяны, / И погибла с шумом память их!» [5, кн. 1, с. 126]. В чисто античном стиле описывается мавзолей супруги Ярослава Мудрого: «Здесь стоит средь темной рощицы / На колонне черной яшмовой / Урна, флером вокруг обвитая. / У подножья резвой бог любви / Преломляет свой опасный лук; / А прекрасные три Грации / Обвивают столб фестонами / Из цветочков гренадилевых» [5, кн. 2, с. 14–15]. Для многих «картин», рисуемых Н. М. Кугушевым, характерна эмблематичность, введение аллегорических образов. Так, Эвмениды преследуют Святополка Окаянного, а заключение мира между Ярославом и Мстиславом происходит при участии «богини Дружбы», «Гения согласия» и Флоры. В античном стиле восхваляется и Владимир Мономах: «Ах! когда бы вся Вселенная / Под его была законами: / Храм Беллоны бы травой зарос, / Меч висел бы в храме Марсовом, / И богиня лишь Премудрости, / Разделя с ним правление, / Возвратила б Россам век златой!» [5, кн. 3, с. 40].

Наряду с Правдой к повествователю приходит Случай, благодаря которому и осуществляется его мечта о знакомстве с русской стариной, и тот вопрошает: «Знаменитый Фидиас резчик, / Коим славились Афиняне, / Не тебя ль представил женщиной, / Божеством аллегорическим?» [5, кн. 1, с. 27]. В то же время сам по-

вестователь выступает против злоупотребления античными образами: «Но словами я Овидия / Не хочу тебе рассказывать; / Не пристойно басни Елиннски / С былью, с истиною смешивать» [5, кн. 1, с. 16].

Иногда встречаются и реминисценции из Псалтыри, в частности из Псалма 41, что представляется очень органичным при сообщении о решении Владимира принять греческую веру: «Как к источнику бежит олень, / Утомленный в жар полуденной, / Прохладиться током чистых вод: / Так Владимир с нетерпением / Ждал пришествия Послов своих» [5, кн. 1, с. 61].

Поэт не только старается обогатить читателя знаниями, но и уделяет внимание «образованию сердца». Авторские отступления на протяжении поэмы становятся все серьезнее и философичнее. Рассказ о не всегда славных деяниях князей вызывает размышления, актуальные для человека любого времени и любого сословия: «Мудрено ль сосуду брэнному / От падения разрушиться? / Мудрено ли слабой веточке / Отделиться от растения / Под порывом ветра сильного? / Удивительно ли смертному / Отступить от добродетели, / Если искра доброй совести / Небреженьем погашается?» [5, кн. 3, с. 124]. Герой-повествователь в первой книге поэмы позволяет себе лирические отступления о своих любовных победах и неудачах, однако утверждает, что с определенного возраста история стала занимать его значительно больше любовных томлений, и вместо красавиц божеством для него стала «мать родная Добродетели» – Правда Русская [5, кн. 1, с. 8].

Итак, в поэме отразились и уровень исторических знаний, и эстетические потребности ценителей изящной словесности начала XIX в. Автор стремится приблизить Древнюю Русь к своему читателю, не желая изображать ее экзотической, он вводит в повествование метафоры и сравнения, заимствованные из античной культуры, что, возможно, уравнивает русскую цивилизацию с европейской. В то же время он придает немалое значение теме национального своеобразия, уникальности русской истории, доблести русского народа.

Историческая поэма Н. М. Кугушева – еще одно свидетельство того, что приверженность сентиментализму не предполагала непременно ухода в частную жизнь и отсутствия интереса к проблемам государственной важности, она не сужала кругозор, не отказывалась от просветительских интенций, а предлагала взгляд на исторические и политические события с определенного ракурса. Нет ничего парадоксального в том, что именно сентименталист Н. М. Карамзин сделал русскую историю достоянием широкой публики, высокохудожественно ее изложив. Его единомышленники и последователи еще до публикации «Истории государства Российского» предпринимали попытки «оживить» Древнюю Русь для читателей-современников.

Список литературы

1. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 691 с.
2. Кочеткова Н. Д. Кугушев // Словарь русских писателей XVIII века / Под ред. А. М. Панченко. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2 (К–П).
3. Разживин А. И. Поэма Н. М. Кугушева «Грановитая палата». Синтез документального и художественного // Актуальные вопросы филологии и методики ее преподавания в вузе и школе. Елабуга, 2008. С. 309–313.
4. Н...в. К сочинителю книги: Грановитая палата // Друг юношества. 1808. № 9. С. 76–78.
5. Кугушев Н. М. Грановитая палата. М.: Университетская типография, 1808. Кн. 1–3.

Драгайкина Т. А. История в восприятии поэта-сентименталиста

6. *Глинка С. Н.* Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб.: Русская старина, 1895. 380 с.

7. *Львов П.* Картины славянской древности, или Празднества Славянороссов, по окончании жатвы отправляемые в честь Световиду и Триглаве // Иппокрена, или Утехи любословия. 1800. Ч. 6. С. 3–57.

8. *Карамзин Н. М.* О случаях и характерах в Российской Истории, которые могут быть предметом Художеств. Письмо к господину N. N. // Вестник Европы. 1802. № 24. С. 289–308.

T. A. Dragaykina

Novosibirsk, Russia

**RUSSIAN HISTORY IN THE VIEW OF SENTIMENTAL POET:
«GRANOVITAYA PALATA» («FACETED PALACE»)
BY N. M. KUGUSHEV**

The article is devoted to the insufficiently known poem by N. M. Kugushev, a literary man who has made an attempt to popularize Russian history in poetical form before publication of N. M. Karamzin's «History of the Russian State». This work represents a striking example of artistic comprehension of the past in the framework of cultural paradigm of the certain epoch. The narrative strategies of the author which aspires to recreate the true events relying the annalistic sources and interprets them in accordance with the perception of a sentimental person of the beginning of the XIX century are analyzed.

Keywords: literature of the beginning of the XIX century, Russian sentimentalism, historical poem.

Dragaykina Tatiana A. – candidate of philology, researcher in the Rarebook and Manuscript Department of the State Public Scientific Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (1 Voskhod Str., Novosibirsk 630200; leonor@inbox.ru; +7 913 913 86 60)